

*Плисецкая
Майя*

Майя Плисецкая:

«Я очень люблю — удивлять!»

20 ноября в Большом театре состоялся юбилейный гала-концерт в честь Майи Плисецкой. Неувядаемый Лебедь русского балета, вечная героиня сопротивления бессмыслицам запретам, ханжеству и годам, Плисецкая, как всегда, не живет воспоминаниями о прошлом. Она — действующее, и весьма активно, лицо на сцене и в жизни. Недавно о ней сняли фильмы французские и японские кинематографисты. Минувшим летом у нее были гастроли и премьеры. И в день своего рождения она по обыкновению танцевала. «Ave Maya» — так называется номер, поставленный для нее специально к юбилею Морисом Бежаром.

— Вы не находите, есть некая изощренность в том, что в программу Вашего юбилейного вечера вошла «Кармен» Матса Эка?

— Нахожу. На то и юбилейный вечер, чтобы преподносил сюрпризы. И чем их больше, тем лучше. Да, всем хорошо известно: я очень любила свою «Кармен» и всегда считала этот спектакль одной из самых больших своих удач. Что вовсе не помешало нам с Щедриным с первого взгляда влюбиться в «Кармен» Матса Эка. Это совсем другие танцы, другая лексика и другая «Кармен». Но все-таки Кармен. Характер схвачен и передан великолепно. Мне очень хотелось, чтобы этот спектакль был показан в Москве. То, что я оказалась к этому причастной, радует меня вдвойне.

— Пожалуй, ни с одним из западных хореографов Вы не сотрудничали столько, сколько с Бежаром. Всякий раз после длительной паузы в Вашем общении судьба, словно подчиняясь какому-то только ей ведомому ритму, сводит Вас снова. Вот и на этом юбилейном вечере главным сюрпризом оказался Ваш новый номер в постановке Бежара. Как он создавался и кому принадлежала идея?

— Бежар — необыкновенно интересный, неординарно мыслящий человек. Он сам себе режиссер, сам себе целая философская система. В его спектаклях, которые, как и всякие другие, могут кому-то нравиться, а кому-то — и не очень, нет самого ненавистного для меня в искусстве — немощи и подражательности. До того, как увидела «Болеро», я представить себе не могла, что когда-нибудь так сильно захочу станцевать что-то, что до меня танцевали другие. Само собой разумеется, в данном случае я не имею в виду «Лебединое озеро» и прочие классические балеты. «Болеро», в котором так отчетливо, на глазах музыка превращается в движение, страсть прорывается сквозь бесстрастность, — безусловно, гениальное творение. Естественно, начав знакомство с такой высокой ноты, я очень хотела продолжения. Как выяснилось, Бежар тоже был не против его продолжить. Так в моем репертуаре появились Леда, Айседора, наконец к предыдущему моему юбилею был поставлен уже совсем необычный, мистический, с ярко

А.ПРЕЛЬЖОКАЖ и М.ПЛИСЕЦКАЯ

выраженным японским акцентом балет «Курозука». В нынешнем номере, хоть он и поставлен на музыку Баха-Гуно, тоже есть некий намек на Японию. Идея, как это нередко бывает, возникла спонтанно. Благодаря совершенно другому проекту, который вновь свел нас с Бежаром. Этим летом его труппа принимала участие в Международном фестивале танца в Генуе, где должна была состояться и состоялась премьера фильма, снятого обо мне французами. Бежар «вспомнил» свой старый спектакль по пьесе Сартра «За закрытой дверью» и решил воспроизвести отрывок из него, выведя на сцену себя, меня и Карлу Фраччи. Пересказывать коллизии не имеет смысла — содержание этой пьесы многие хорошо знают, что, собственно, и подразумевалось Бежаром, хотя он, конечно, как всегда, дал волю своей фантазии. Это не танец — пантомима, весьма затейливая, с богатым психологическим подтекстом. Видимо, идея нарядить меня в мужское платье, реализованная в «Курозуке», показалась Бежару удачной. В итальянском спектакле я тоже представляла как бы в мужском обличье.

— Ваш интерес к Японии связан не только с работами Бежара. Расскажите, пожалуйста, о своей последней японской премьере.

— Я столько выступала в этой стране, она так сильно меня всегда привлекала, что, хотя долгое время я ни о чем таком и не помышляла, наверное, мое пересечение с традиционным японским искусством было неизбежно. Этим летом, 31 августа, в зале Токио Кокусай-форум состоялась премьера спектакля «Крылья кимоно», представлявшего собой небывалое сочетание театра Но с классическим балетом. Музыку написал современный композитор Таро Ивасиро. Постановку осуществили Хиронори Тересаки — режиссура, Тагао Ватанабэ — хореография Но и Киёко Исики — хореография классическая. Что интересно, одну из центральных ролей исполнил генеральный продюсер этого действия, мой давний знакомец Тосю Фуками. Сюжет вкратце таков. Небесная Фея (это я) попадает на землю, превращается в человека и, оставив в укромном местечке свои крыльшки (без них ей не вернуться на небо), танцует и ревнится, радуясь жизни, — как ни странно, на земле ей очень нравится. Между тем Рыбак (он же генеральный продюсер) крадет ее крылья: считается, что они приносят удачу и счастье. Небесное воплощение Феи, Дух в маске (сам хореограф Но) пытается уговорить Рыбака возвратить крылья, что тот в конце концов и

Майя ПЛИСЕЦКАЯ
и Александр ЛАВРЕНЮК
в балете «Кармен»